

Распятые

очень хочется выжить

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Распятые

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бородкин А. П.

Распятыe / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Корабль, перевозивший рабов, терпит крушение. В живых остаются два моряка, случайный пассажир и священник – они заперты под килем перевернувшегося судна. Несколько предсмертных дней становятся... адом? Или искуплением? Или надежды на спасение души нет, и Геенна огненная неизбежна? Рассказ-драма, рассказ-размышление. Затрагиваются очень сложные вопросы. Одно можно утверждать наверняка: после прочтения рассказа, Вы переменитесь. Без сомнений.

Перед рассветом ажурная глубина неба замутилась, Полярную звезду – а за ней и остальные звёзды – заволокло фиолетовой тinou. Подул южный ветер. Правильнее сказать, ветер пошел: он был подобен океанскому течению, сильному и ровному. Дыхание перехватывало от этого сырого и жаркого потока.

В несколько минут вода и воздух слились в единое пространство.

На "счастье" проснулся боцман Канниган. Он вышел на палубу и отправился к носу судна (к гальюну), желая вернуть океану "взятое в долг".

"Матерь божья!" – пронеслось у боцмана в мозгу и, забыв про своё первоначальное намерение, он бросился к рынде – поднять тревогу, – браня и кляня тупость вахтенного матроса.

Над океаном полетел отчаянный звон колокола.

"Не сладить!"

Матросы прыгали по реям, как перепуганные обезьяны, а у боцмана вертелась мысль, что всё одно со штормом не сладить, и что нужно рубить грот немедленно: "Быть может, тогда обойдётся!"

– Где капитан?

Вахтенный покрутил головой, как испуганный пёс и ответил, что понятия не имеет.

– Он напился вчера до безумия... напялил на левую руку кувшин, и объявил, что это его вторая голова... Разговаривал сам с собою... с этой второй башкой... а когда кончился ром...

Кончился ром! Канниган сообразил, что раз такое произошло, то капитана следует искать в трюме, в самом низу у погреба для провизии.

Судно накренилось, просело, зачерпнуло бортом воды. Кого-то из матросов смыло за борт. Кажется, это был Фернандо Гора, шутник и балагур, любимчик команды. С холодным цинизмом боцман подумал, что дева Мария не оставит беднягу. Жизнь человека в эту секунду не стоила гроша ломанного.

Снасти трещали и стонали. Мачту вот-вот должно было сломать у основания. Или вырвать, как гнилой зуб изо рта старухи. Канниган вспомнил о грузе: "Сбросить чёрненьких за борт? Посреди океана? Ха-ха! Пускай поплавают, так у них есть шанс выжить!" – криво осклабившись, он рассмеялся.

Старший помощник и два матроса взялись рубить мачту. Топоры метались с предсмертной истеричностью, однако у океана были свои планы на представление. Он занял место в первом ряду и желал, как следует, поразвлечься. Ураган развернул "Галатею" могучими пальцами, будто это был детский кораблик, волна ударила в борт – первая, предупредительная, – второй вал накрыл судно от грот-трюм-рея до ватерлинии, подмял под себя, вдавил в водную пучину.

Когда волна отхлынула, на поверхность океана – среди бочек, ящиков и пеньковых канатов – всплыл оборванный парус. Страшное белёсое "тело" колыхалось и казалось телом утопленника, раскинувшего в стороны руки и вглядывающегося в бездну невидящими глазами.

"Галатея" перевернулась.

Канниган успел спуститься в трюм и пробежал несколько шагов, прежде чем мир вокруг него завертелся, и потолок сделался полом.

Капитан Бартоломью (он дрых к кройт-камере, прижавшись к верному своему собутыльнику кривому Оглу) вздрогнул и выпустил из рук бутылку. Однако бутылка не покатила по полу, как это было заведено от века, она заплясала на досках пляску святого Витта, подпрыгнула и полетела вверх. Или вниз? Или вбок? Разобраться капитан не успел, его самого подкинуло и швырнуло на бочку с оливковым маслом, в довершение, приложив головой о бортовую обшивку.

– Кто?... кто здесь? – Очухавшись, капитан зажег спичку, рассмотрел заспанное лицо Огла.

Мгла металась по зачумлённым углам комнаты. Где-то в её утробе мелькнула ещё одна – неизвестная – физиономия. Позднее выяснится, что это отец Дэниел, священник. Аббатство святого Албана из Хартфордшира снарядило его в ссылку (официально это называлось просветительской миссией).

Лишь только начался шторм, священник проснулся и решил помолиться. Помолиться спокойно, распахнув сердце до самых глубин. Все двадцать два дня пути отец Дэниел чувствовал исходившую от океана опасность – первобытную, неподчиняющуюся Христу угрозу. Греховная эта мысль беспокоила священника, однако не отпускала, несмотря на все старания. Отец Дэниел спустился в трюм в поисках спокойного местечка.

Скрипнули петли, в дверь ввалился Канниган. Его сильно потрепало – большую часть пути до крюйт-камеры он пролетел кувырком. Лоб расколо, из раны текла кровь, заливая глаза и капая с подбородка на куртку. Боцман обтёр лицо ладонью и прохрипел слова приветствия. От размазанной по лицу крови он стал похож на демона из преисподней.

Отец Дэниел перекрестился и закрыл глаза, священнику было неприятно, что Смерть явилась к нему в таком богомерзком виде.

Впрочем, отец Дэниел ошибался. Он проживёт длинную и монотонную жизнь, и умрёт через сорок лет и шесть дней (считая от крушения "Галатеи"), в своей келье. Окруженный братьями-монахами, которых он давно уже перестанет узнавать, а станет полагать, что он мальчик, ему семь лет, и что он украден цыганами, с намереньем быть съеденным... или для выступления в цирке, например, чтобы ходить по канату. К моменту смерти, отец Дэниел выживет из ума.

– Вот, сир! Кажется, ещё дышит. – Канниган оттолкнул ногой ящик и швырнул в образовавшийся просвет тело. Это был Керро Нуччи, мальчишка, стремившийся вернуться к невесте, а потому согласившийся плыть на "Галатее".

"Я поплыву даже на бешеном бизоне! – Нуччи молодецкато сдвинул шляпу, рисуясь перед капитаном и матросами. – Если он доставит меня в Салвадор за две недели". Капитан принял плату и ответил, что быстрее его "ласточки" Атлантику не пересекает ни одна рута (шлюха, исп.), однако на две недели можно не рассчитывать. "Эта зима... коварная". В испанском языке "зима" мужского рода, но мореплаватель говорил о ней, как о женщине.

Капитан Бартоломью мельком взглянул на тело мальчишки и ткнул пальцем в пол ставший потолком:

– Дьявол меня раздери, Канниган! Эта посудина всплыла кверху брюхом!

– Так и есть, сир! – боцман хрипло рассмеялся. – Чудовищный шторм. Ребята пытались срубить грот, но не успели. – Боцман огляделся, закрываясь от света спички. – Все утонули, сир, остальные подохли!

Керро Нуччи пошевелился и зашелся кашлем, он постепенно приходил в сознание, боцман помог парню сесть, затем подтащил мешок с просом и пересадил Нуччи туда.

Буря значительно ослабела, казалось, что зритель-океан, добившись своей задумки и натешившись, утратил к игрушке всякий интерес.

Крюйт-камера находилась на самом дне судна, в прежние годы здесь хранили порох (когда "Галатее" щеголяла пушками), теперь эту комнату использовали для хранения провизии. После оверкиля она сделалась верхней точкой судна, и если бы кто-то из выживших умел заглянуть сквозь дерево, он бы разглядел умытое бурей небо, и барашки волн, и печальные последствия кораблекрушения.

– Мы превратились в поплавок, сир!

Несколько мгновений капитан озирался по сторонам, пытаясь вобрать в себя смысл сказанного, в его глазах мелькали безумные искры, в ярости он сжимал и разжимал кулаки. Двухметровый свихнувшийся гигант – это было поистине угрожающее зрелище. Нуччи почувствовал, как кожа на его затылке леденеет, он с ужасом представил, как капитан хватается за горло и душиг...

– *Anima Christi, sanctifica me. Corpus Christi, salve me.* (Душа Христа, освяти меня. Тело Христа, спаси меня. лат.), – прошептал отец Дэниел.

Боцман Канниган ухватил табуретку за ножку и вжался в угол. Он не собирался сдаваться без боя.

И только кривой Огл оставался тих и спокоен, он взирал на происходящее с усталым интересом праведника. Дело в том, что Огл был уверен, что он давным-давно мёртв. Он был корабельным плотником и починял (это случилось несколько лет назад) фальшборт на корме. Как и положено плотнику, был изрядно пьян, а посему не заметил, как свалился за борт. Пекло вдруг сменилось ласковой прохладой, солнце всхлипнуло и стало удаляться, колыхаясь и превращаясь из алого в зелёное. Над головой мелькнула тень рыбы.

Однако, через сутки (или двое), плотник пришел в себя. Он обнаружил своё тело в трюме, в гамаке; его разбудил помощник капитана, сказав, что "нечего всякому дерьму разлёживаться, пора дело делать".

"Я утонул, – понял Огл, – это ясно, как божий день. Я утоп, сгинул и... Кианохет вернул меня в мир живых... для какого-то своего разумения". Совершив такое открытие, Огл стал относиться к своему пребыванию в "подлунном мире", как к событию исключительно временному, а потому не заслуживающему избыточных переживаний.

Более всего Огл боялся, что тело его начнёт разлагаться, и остальные поймут, что он покойник. "Будет неловко перед ребятами".

– Остынь, Бартоломью. Лучше пропустим по стаканчику.

Капитан ответил, что не в его привычках пить со всякой рванью. Затем он обругал последними словами всех святых до седьмого колена, после чего заявил, что ему плевать, как это называется:

– Поплавок или буй... пока эта посуда на плаву, я на ней капитан! И я не потерплю бардака!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.